

НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

М. Голденков. *Наполеон и Кутузов: неизвестная война 1812 г.* Минск, 2010. 316 стр.

В преддверии 200-летнего юбилея прославленной войны 1812 г. в Минске опубликована книга М. Голденкова с весьма интригующим названием: “Наполеон и Кутузов: *неизвестная война 1812 г.*”, на обложке которой красуется приписка: “Забытые герои, *неизвестные сражения* и трагедии *великих армий*”. В аннотации и Предисловии, написанных В.В. Ивлевой, “ответственной за выпуск”, безапелляционно заявлено, будто “нет более мифологизированной войны в русской истории, чем война 1812 года... Невозможно даже перечислить всего, что за два столетия насочиняли по отношению к этой легендарной войне!”. “Она изобилует белыми пятнами, особенно это касается территории западных границ Империи... Автор предлагает читателю *малоизвестные факты*, документальные свидетельства и различные точки зрения, чтобы каждый мог сформировать собственный взгляд на события тех дней”. Автор обещает читателю “выявить героев, незаслуженно забытых, и развенчать персонажей, которым слава досталась не совсем заслуженно” (С.3-5).

Подобные громогласные обвинения и щедрые обещания всегда вызывают “превентивные” опасения у серьёзных читателей и настоящих исследователей той эпохи, которые лучше других знакомы с проблемами в изучении знаменитой войны. Поскольку издатель *ни единым словом* не обмолвился о том, чей опус он опубликовал, то читателю первым делом необходимо выяснить, кем же является таинственный автор сего сочинения. Лишь в одном месте автор случайно оговорился, что он является “человеком военным” (С. 108). Для того чтобы уяснить “научную весомость” автора, есть только два способа: 1) узнать, какими источниками и литературой он пользовался, 2) присмотреться к его высказываниям по поводу самых общеизвестных фактов и давно устоявшихся выводов и оценок.

1) Сразу и наповал поражает помещённый в конце книги список литературы, “которую использовал автор и которую настоятельно *рекомендует прочесть* любознательным читателям”. Список наполовину состоит из книг и статей, изданных ещё до революции, которые простой читатель при всём желании не сможет разыскать. Другую половину составляют книги, опубликованные в советские времена, где читатель вряд ли найдёт что-либо сенсационное. Но особое

удивление в этом списке вызывают следующие издания: Богданов Ю.А. Грамотность и образование в дореволюционной России и СССР. М., 1964; Кеппен П. Материалы для характеристики просвещения в России // Библиографические листы. 1825. №29; Постановка образования в Пруссии // ЖМНП. 1834. №1; Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1853. С.314-316. Невольно возникают вопросы: в здравом ли уме находится автор, смогут ли любознательные читатели разыскать эти издания и откопать в них то, что имеет отношение к войне 1812 года?

2) Теперь попробуем выяснить, насколько хорошо знаком Голденков с реалиями той войны. В начале книги он заявил, будто “легендарный русский полководец Александр Суворов *воёвал против революционного Бонапарта*... Суворов частенько выполнял именно жандармские функции в Европе, и делал это так успешно, что Россию прозвали жандармом Европы” (С. 8). Сочинителю неизвестно, что Суворов никогда не встречался на поле боя с генералом Н. Бонапартом (к счастью для обоих) и что упомянутое нелестное прозвище Россия получила вовсе не в 18 в., но лишь в 19 в.

Голденков пишет, будто генерал М.Б. Барклай де Толли, этот, по его словам, “шотландско-беларуский легионер”, “исполнял обязанности *главнокомандующими всеми сухопутными силами* в первые дни войны”. На самом деле Барклай был военным министром, и с началом военных действий остался только главнокомандующим 1-й Западной армии. Автор заявил, что помимо талантливых русских генералов в российской армии служили ещё “легионеры” и “варяги”, и “самым талантливым из них был *шотландец с беларускими корнями* Барклай-де-Толли” (С.21, 110, 236). Как говорится, хоть стой, хоть падай. Вместо подходящего по смыслу слова “кондотьер” автор обозвал Барклая “легионером”, понимая под этим словом лишь его современное примитивно-футбольное значение. Заявление о “беларуских корнях” Барклая заставляет всерьёз задуматься о компетентности автора. Голденков пишет, будто Барклай разработал свой “скифский план”, “отталкиваясь от опыта войны скифов с Александром Македонским” (С.23, 236), даже не подозревая, что Александр Великий сражался вовсе не со скифами, а с их далёкими со-

родичами – саками и массагетами в Средней Азии! “Скифский” же план Баркляя был навеян удачным противостоянием скифов армии великого персидского царя Дария I в северном Причерноморье за сто с лишним лет до этого.

Автор пишет, что “16 мая (28-го по старому стилю) Наполеон выехал из Дрездена в Познань, присоединил эту область к Франции и поспешил к Неману” (С.29). Во-первых, стили здесь переставлены с ног на голову, во-вторых, император никогда не присоединял этой территории к Франции! Вслед за советским фальсификатором Бабкиным, автор заявил, что “большой ошибкой Наполеона было объявление войскам, что они вступают в неприятельский край, тогда как в этом крае было как раз много беларусов, жмайтов и поляков, симпатизировавших Наполеону”. “Это неосторожное заявление Бонапарта” дало повод его войскам заняться грабежом уже в Литве (С.36). На самом же деле всё обстояло с точностью до наоборот: император запретил свои войскам обижать население Литвы, а для провинившихся учредил суды военного трибунала, которые приговорили к смерти несколько десятков мародёров. Именован *Наполеона* в 1812 г. *Бонапартом* (что постоянно делает автор) – значит солидаризироваться с тогдашней российской пропагандой, то есть быть необъективным.

Щедрой рукой фальсификатора автор наделил российскую армию несколькими новыми соединениями, превратив *отдельные корпуса* в “4-ю армию генерала Петра Витгенштейна”, “армию генерала Штейнгеля”, “армию Эссена в районе Риги” и “до четырёх резервных армий, размещённых вдали от границы”. Об адмирале А.С. Шишкове, генерал-адъютанте и государственном секретаре, автор пишет по-простому: “Александр Шишков, известный писатель, служивший при дворе”. Ему неизвестен “один из участников той войны, оставивший “Походные записки артиллериста” под инициалами И.Р.”, “анонимный артиллерист”, хотя в другом месте он, сам того не ведая, называет его имя – И.Т. Радожицкий. А.Д. Балашов не мог носить тёмно-синего мундира, так как русским генералам было предписано носить мундиры тёмно-зелёного, почти чёрного сукна. Начальником штаба корпуса Ф. Штейнгеля был вовсе не “генерал Кок”, а генерал А.Б. Фок (С.21, 29, 32, 221, 46, 50).

Не меньшее невежество Голденков проявил и в отношении наполеоновской армии. Мамелюки, набранные Наполеоном в Египте, у автора превратились в “марокканских арабов”. Приведя одну единственную цитату из письма “солдата 6-го полка Молодой гвардии”, автор заявил, что “вся Великая армия была уверена, что идёт именно сквозь Россию в Персию и затем в Ин-

дию”. На самом деле лишь десяток-другой мемуаристов упоминали о походе в Индию. К тому же автор даже не знает, что в Молодой гвардии был не один 6-й полк, а целых два – 6-й вольтижерский и 6-й триайерский (стрелковый), и оба участвовали в походе на Россию. Автор решил блеснуть своим знанием наполеоновской армии и перечислил её представителей, вступивших в Вильно: “Французы в голубых мундирах *всех тонов*, итальянцы в синем, немцы в красных и белых мундирах, смуглые испанцы в чудной форме коричневого цвета, канареечные желто-красные швейцарцы”. На самом же деле у французской пехоты мундиры были синего цвета, у итальянцев – зелёного и белого, у испанцев – белого. В немецких частях не было красных мундиров, каковые носили швейцарцы, а приписанные им автором цвета имел Нёвшательский батальон, прибывший в Вильно лишь в сентябре. Коричневую униформу носили не испанцы, а португальцы. “Личной гвардии Бонапарта” в 1812 г. не существовало, но была императорская гвардия! Армейские корпуса Великой армии автор постоянно именуется “пехотными”, хотя они никогда так не назывались (С.18, 24, 44, 241).

Родного брата Наполеона Жерома Голденков упорно именуется *кузеном* императора. Силою своего воображения он перебросил короля Вестфалии из Гродно на Двину, чтобы руководить наступлением на Петербург, которое провалилось; “это взбесило Бонапарта. Руководивший этой операцией Жером Бонапарт, *кузен* Наполеона, был уволен и отправлен в Париж” (С.57, 61, 96, 184). На самом же деле Жером бездарно руководил преследованием армии П.И. Багратиона, за что был отстранён от командования и уехал в свою столицу Кассель, прихватив свою гвардию.

Л.Н. Даву и М. Нея автор именуется то генералами, то маршалами, а первого ещё и отправляет воевать против Витгенштейна к Полоцку, хотя маршал никогда там не бывал (С.58, 77, 149, 168, 230, 239). Он обозвал генералов Бельяра – Беллиардом, *Жирара* - *Жераром*, *Коленкура* – *Каленкурром*, полковника Серюзье – *Серюрье*, австрийского генерал-фельдцейхмейстера И. Дюлаи – “маршалом Гиулаем” (С.73, 244, 246, 257, 290, 294). По его словам, генерал-губернатор Литвы Д. ван Хогендорп в прошлом “участвовал в войне за независимость США на стороне французов”. Он не знает, что никаких США тогда ещё не было, что англичане воевали против восставших жителей своих колоний, так что глупо говорить, будто этот голландец воевал на стороне французов! Мемуариста Шумахера автор назвал “*вюртембергским* офицером” и потому предположил, что на рисунке, изображающем *вюртембергских* артиллеристов, “возможно изображён и

сам Гаспар Шумахер” (С.62, 94, 99). На самом деле этот капитан служил в 4-м *швейцарском* полку, а потому никак не мог быть изображён на рисунке К.В. Фабер дю Фора, сделанном за сотню километров от Полоцка.

Голденков пишет, что после сражения за Смоленск “*французы* очищали город от трупов. Эту задачу Наполеон поручил 8-му *вестфальскому* корпусу в наказание за промедление в сражении у Валутинной горы”. Ему и невдомёк, что *вестфальцы* вообще не заходили тогда в Смоленск, а сразу были направлены к Валутинной горе, где потом и занимались уборкой трупов! Автор заявил, будто Семёновские флешы на Бородинском поле строились на Старой Смоленской дороге (что не соответствует истине) и что захватили их “*вюртембергские немцы*”; на самом деле вюртембергцы не захватили, а лишь удержали только южное укрепление. Описывая бой за флешы, автор обронил фразу, что “австрийские кирасиры в белой форме и чёрных кирасах походили на русских”; похоже, он даже не знает, что австрийских войск вообще не было на поле Бородинском (С.110, 115-116, 145).

По выражению Голденкова, батарея Раевского “*то и дело* переходила из рук в руки, причём при контратаках со стороны русских пало *в пять раз больше солдат*” – “сумасшедшая разница в потерях!”. Автор не знает, что батарея была захвачена неприятелем со второй попытки, а невероятное соотношение потерь он позаимствовал у такого “знатока”, как Л.Н. Толстой! Он привёл столь же фантастические цифры потерь 30-го линейного полка – из 4100 чел. осталось всего 300 солдат; на самом же деле из 3 тыс. чел. вышло из строя 71. “Французский поляк” Ю. Понятовский действовал вовсе не против 2-й армии Д.С. Дохтурова, а против частей 3-го и 2-го корпусов 1-й армии. Волею своего воображения автор бросил в атаку на корпуса Понятовского и Жюно 7 тыс. ратников Московского и Смоленского ополчений и убил у последних 6 тыс. чел. Силою того же самого воображения он довёл потери русской армии в сражении до 70-75 тыс. чел. (С.148, 150-154, 165, 175).

Чистой воды выдумкой является заявление автора, будто “в гибели Тучкова-младшего историки с подачи Кутузова обвинят начальника штаба Беннигсена: мол он отдал приказ идти на флешы не по плану”. Непонятно, каким образом “кавалерист-девица” Н. Дурова, ставшая в замужестве *Черновой*, могла стать “прабабушкой знаменитой династии дрессировщиков *Дуровых*” (С.147, 225).

Голденков выдумал, будто ополченцев в России было собрано аж 400 тыс. чел., что Калужская губерния выставила 15 тыс. ратников “за ре-

кордный трёхдневный срок” – “более нигде подобного ополчения собрать не удалось” (С.20, 166, 205). Всё это ложь, так как больше выставила, например, Московская губерния, а собрать ополчение за 3 дня можно лишь благодаря больному воображению. Автор пишет, что “14 ноября Витгенштейн подошёл к Смоленску”, на самом же деле – к д. Смоленцы; такой же ложью является утверждение, будто 28 ноября “в Вильно уже вошли первые русские войска”, а “30 ноября в Вильно прибыл сам Голенищев-Кутузов” (С.240, 261-62).

Поражают подписи под некоторыми иллюстрациями. Художник Албрехт Адам превратился просто в Альбрехта. Под картинкой “Старая гвардия Наполеона на марше” (изображающей пешую гвардию у *Ватерлоо*) помещена подпись о *польских уланах, врывающихся в Вильно*. При этом указано, что “первым вошёл в город полк польских улан под начальством Доминика Радзивила. За ним 6-й уланский полк Варшавского герцогства под командованием полковника *Конвовского* и французские *конные вольтижеры* с гусарами”. Поясним, что Радзивилл командовал 8-м полком, а 6-м полком – М. *Понговский*, что “конных вольтижеров” во французской армии не было – вольтижеры образовывали роты *лёгкой пехоты* в полках линейной *пехоты*! Под портретом шефа эскадрона 2-го гвардейского (голландского) шволежерского полка А.Р. Ваттвиля стоит надпись: “В корпусе *Ланна* оказался в Вильно и швейцарский барон Альберт де Ваттвиль”. Автор не знает, что маршал Ж. Ланн никак не мог оказаться в Вильно в 1812 г., так как погиб ещё в 1809! Там, где на картинке изображены польские *конные стрелки (егеря)*, автор пишет “уланы”, хотя пик у них нет; там, где изображены солдаты *вюртембергской лёгкой пехоты* – он пишет “*французские егеря*”. В книге помещён портрет Дениса Давыдова, который давным-давно признан портретом совершенно другого человека. Под изображением русских егерей написано, что они “были вооружены *гладкоствольными егерскими ружьями*... У такого егерского *штуцера* был короткий гранёный ствол... с *восемью винтовыми нарезками*”. Под картинкой, изображающей ратников Нижегородского ополчения, стоит подпись: “Калужские ополченцы” (С.19, 38-39, 45, 85, 87, 91, 158, 166). Комментарии излишни...

По словам автора, Кутузов “демонстративно недооценивал” казаков и старался “принизить вклад в войну казаков Платова, Уварова и Ожаровского”, не подозревая, что двое последних не имели никакого отношения к казачьим войскам. Ожаровского автор именует “атаманом”, каковым он никогда не был. Кстати, и потери каза-

ков Платова за всю войну автор буквально взял с потолка: из 15 тыс. до Немана якобы дошли 150 чел. (С.21, 131, 229, 238, 265).

Все познания Голденкова о войне 1812 г. базируются на нескольких дореволюционных статьях, на “Википедии” из Интернета, энциклопедии “Вокруг света” и путеводителя по Бородинскому полю! И вот автор с таким-то “уровнем познания”, а точнее с такой степенью невежества, обещает белорусскому читателю открыть “неизвестные страницы” той войны! Нетрудно догадаться, какого уровня “открытия” ожидают этого самого читателя, но всё же ради пресловутой “толерантности” присмотримся, какие же выводы автор преподносит как свои собственные открытия и с кем, собственно говоря, он собрался дискутировать?

Своими оппонентами Голденков объявил неких “российских державных историков”, из которых рискнул назвать по имени *только одного!* Это “советский писатель-историк Михаил Брагин”, написавший книгу “В грозную пору, 1812 год”, которую автор неоднократно цитирует, но “не потому, что он написал некий фундаментальный труд, а потому, что в его описаниях войны с Наполеоном *прекрасно отражён весь советско-российский взгляд на историю войны 1812 года в течение по меньшей мере всего XX века*” (С.75, 90, 243). Поскольку автор не понимает элементарной добродетели историка – делать ссылки на цитируемую литературу, мы вынуждены пояснить читателю, что “военный историк М. Брагин” написал книжку “для младшего школьного возраста” – “В грозную пору. 1812 год”. М.: Издательство “Малыш”, 1969. Вот, оказывается, с каким серьёзным и грозным противником решил скрестить свою шпагу “беларуский герой” Голденков!

1. Главным “открытием” Голденкова стало уточнение географического расположения Белоруссии в начале 19 в. и, как следствие, кардинальный пересмотр её роли в войне 1812 г. Там, где *во всех без исключения источниках упоминается Литва*, Голденков беспардонно заменил это название на Беларусь: “Освобождение Польши и Литвы (Беларуси)”, “Литва-Беларусь в 1812 году”, “Литва, т.е. тогдашняя Беларусь”. Литовский город Ковно объявлен им “литвинским (беларуским) городом”. Литовскую знать он лихо переименовал в белорусскую. Автор пишет о Наполеоне: “Знатнейших местных *беларусов* он переименовал полковниками и поручил им формирование” “*беларуских* полков” (С. 17, 25-26, 36, 54, 56, 119, 259). На самом же деле речь идёт именно о *литовских* полках, сформированных в тогдашних литовских, а вовсе не в белорусских губерниях и формально включённых в состав армии герцогства Варшавского. Вот имена их полковников: Александр Ходкевич, Константы

Тизенхауз, Адам Бишпинг, Антоний Гелгуд, Станислав Чапский, Юзеф Коссаковский, Михал Тышкевич, Кароль Пшездецкий, Константин Раецкий, Ксаверий Обухович, Игнаций Монюшко. Много ли белорусских фамилий видит здесь читатель?

Голденков пишет, что “из *литвинских* татар был сформирован *гусарский* эскадрон”, а “*главой подразделения* был назначен майор 8-го кавалерийского полка Мустафа Мурза *Азулевич*”. На самом же деле командовал эскадром татарских *улан* шеф эскадрона Мустафа Мурза *Ахматович*, а майор 8-го (польского) шволежерского полка Азулевич лишь наблюдал за его формированием! Автор исказил имена офицеров этого эскадрона, которые к тому же не могли быть “*первыми и вторыми лейтенантами*”, ибо являлись *уланами*, а не артиллеристами (С.62-64).

Во всех источниках написано, что *польское* население Минска с распростёртыми объятиями встречало наполеоновские войска. Но вопреки очевидности автор заявил: “Поляков в Минске не было!”, по его терминологии это была “местная беларуская шляхта”. Всё это беспримерное искажение показаний источников и подмена всего “польско-литовского” на “беларуское” нужны автору для того, чтобы доказать, что белорусы вовсе не были “преданными друзьями Российской империи и извечными союзниками россиян”, а, напротив, встали на сторону их противника, и “25.000 беларусов воевали за Наполеона” (С.58, 65, 244, 259-260)!

Голденков пишет, будто Кутузов был назначен “литовским (беларуским) военным губернатором”, не разумея, что тогда существовали *две отдельные должности военных губернаторов*: для Литвы и для Белоруссии. Территории, которые в 1812 г. именовались Литвой, автор объявил Беларусью. Он не желает знать, что белорусскими тогда именовались всего две губернии – Витебская и Могилевская, которые он нелепо обозвал “восточными областями Беларуси (Литвы)”. Кроме того, автор заявил, будто после вступления в *Смоленскую губернию* (!) “для Наполеона началась *другая Беларусь* и другая война: *Беларусь* без хлеба с солью, без тысяч добровольцев, вступающих в ряды Непобедимой армии, где *гражданская война в союзе с Наполеоном уступила место партизанской, Отечественной войне 1812 года*” (С.139, 67-68, 110).

Прочитав слова не названного им советского автора о том, будто партизанская война вспыхнула сразу “после вторжения наполеоновских войск в Литву и Белоруссию”, он тут же поправил его: “Этот автор под терминами Литва и Белоруссия имеет в виду, *конечно же, Беларусь, которую в те годы и называли официально Лит-*

вой, но это есть самая распространённая “неточность” всех российских историков” (С.218). Речь идёт, конечно же, не об ошибке российских историков, а о беспардонной фальсификации источников со стороны продажного белорусского автора, который в угоду нынешнему “самостийному” режиму буквально высасывает из пальца историю независимой Беларуси, *попирая все мыслимые каноны историописания*. Так что именно к нему следует отнести слова ответственной за выпуск В.В. Ивлевой, опубликовавшей его опус: “Историография – предмет всегда пристрастный, ибо официальная история пишется в целях политических” (С.3).

Для того чтобы читатель яснее понял масштаб фальсификации со стороны Голденкова, отметим следующее. Когда в Вильно Наполеон потребовал у поляков информацию о белорусских землях, ему сообщили, что “Белая Русь даже в польские времена считалась “провинцией” за характерную испорченность российским соседством”, что за время русского правления “шляхта вошла во вкус привилегии угнетения крестьян”, что отдаляет её от Польши и Наполеона. Разведка донесла ему, что “в Могилевской губернии и в Белой Руси крестьяне привязаны к французам, а господа и евреи к русским”. 100 лет назад известный историк К.А. Военский пришёл к выводу, что, в отличие от Литвы, где многие надеялись на возрождение государственности, “в Белоруссии эти ожидания и надежды разделяло лишь верхнее польское и ополяченное сословие. Сам же народ, по вере православный, а по происхождению русский, относился к французам... враждебно и с боязнью потерять религиозную и национальную независимость”. “Исторически забитое и угнетенное население не могло, конечно, проявить того патриотического подъема, который так ярко вспыхнул в чисто русских губерниях, и ограничивалось лишь бегством, уходом в леса без партизанских набегов”, так что Белоруссия – “это нечто среднее между Польшей, охваченной патриотическим духом, и Россией”. По мнению польского историка М. Кукеля, в Белоруссии при полной политической пассивности высшего слоя, мало склонного и к выступлению на стороне Наполеона, и к защите русского царизма, на первый план выдвигался крестьянский вопрос, ибо многочисленные бунты, которые ни русские, ни французские власти не сумели усмирить до конца войны, указывают на наличие у крестьян социальной активности.¹

2. Автор рьяно обрушивается на известную байку о том, как в бою под Салтановкой генерал Н.Н. Раевский якобы повёл в огонь своих малолетних сыновей (С.75-81), хотя из российских историков почти никто уже не упоминает об этом мифе.

3. В качестве незаслуженно забытого героя Голденков выдвинул “геройского *главкома 4-й армии генерала инфантерии*” П.Х. Витгенштейна. Он возмутился тем, что “в книгах М. Брагина на картах 25-тысячная *армия* Витгенштейна... обозначена так же, как *эскадрон (!)* Дениса Давыдова”. Лишь “после распада СССР *4-я армия, прикрывавшая двум французским корпусам путь* на Санкт-Петербург, стала медленно “проявляться”, причём историки и школьные преподаватели упорно называли 4-ю армию корпусом... Хотя *корпус – это термин сугубо французской армии. В русской все вооруженные силы состояли из армий, армии – из дивизий*. Да и странно было бы называть армию Витгенштейна корпусом, тогда как по количеству солдат она превосходила *армию Штейнгеля* в Финляндии – у того было на пять тысяч меньше. Говоря по-простому, *тысяки лопухнулись*” (С.89-91, 184, 239). Но “лопухнулся” в данном случае как раз сам Голденков, публично продемонстрировав своё полнейшее невежество, ибо все тогдашние русские армии состояли именно из корпусов, а выдуманные сочинителем две русские “армии” официально именовались “1-м пехотным *корпусом*” Витгенштейна и “Финляндским *корпусом*” Штейнгеля. К тому же Витгенштейн имел чин не генерала *от инфантерии*, но генерала *от кавалерии!*

Далее автор, постоянно критикующий российскую официальную историографию, сам же повторил её выдумку, объявив Витгенштейна “спасителем града Петрова” на том основании, что он якобы не позволил трём неприятельским корпусам прорваться к Петербургу. Автор даже не подозревает, что тогда Наполеон вовсе не собирался идти на Петербург, а маршал Ш.Н. Удино (ни разу им не упомянутый) имел приказ удерживать войска Витгенштейна на рубеже Западной Двины. Завершая данный сюжет, автор причитает: “Вот какого человека предали забвению в угоду фельдмаршалу Кутузову, который, в отличие от Витгенштейна, подобными успехами похвастаться не мог”. В другом месте он заявил, будто “подвиг солдат Витгенштейна забыли, его *четвёртую армию* вообще вычеркнули из истории войны” (С.92, 96-97, 184). Автор не знает, что ещё до революции было опубликовано несколько биографий Витгенштейна, а недавно в России опубликована книга, в которой объективно оценены заслуги Витгенштейна и его корпуса на первом этапе кампании.²

4. Голденков попытался “по-новому взглянуть” на знаменитый подвиг 27-й дивизии генерала Д.П. Неверовского под Красным, заявив, что она вовсе не “спокойно отошла к Смоленску” (как писал Брагин), поскольку Неверовский “потерял 1500 солдат – четверть всей *дивизии*,

тогда как французы доложили, что потеряли 500 кирасир – в три раза меньше”. При этом автор умудрился повторить все выдумки советской литературы – о том, что дивизия “в основном состояла из молодых новобранцев”, что её атаковало “*море* неприятельской *тяжёлой кавалерии*” (С.100-102). На самом же деле “обсервационный корпус” Неверовского наполовину состоял из опытных солдат, противник превосходил русские войска всего в полтора раза, а кирасиры вообще в атаках не участвовали. Автор вновь продемонстрировал полнейшее незнание современной российской историографии.³

5. С особой нелюбовью отнёсся автор к М.И. Кутузову, развенчанию заслуг которого он посвятил всю вторую половину своего сомнительного опуса. У нас нет никакого желания цитировать и опровергать почти нецензурные выражения автора, обозвавшего заслуженного полководца “Остапом Бендером русской армии” (С.111, 122). Поручим эту задачу ещё более уязвлённым российским историкам, а сами ограничимся лишь дезавуированием самых нелепостей, высказанных автором.

Голденков пишет, что к началу 1812 г. Кутузов “находился в Санкт-Петербурге на второстепенном посту командира Нарвского корпуса, а затем - Петербургского ополчения. Из регулярной армии он был удалён за *частые провалы воинских операций в Австрии и Молдавии*”. На самом же деле в Австрии Кутузов потерпел лишь одно поражение – при Аустерлице, в котором, собственно, не был виноват; в Молдавии же он вообще не имел поражений! По словам автора, Александр I, “будучи либералом, прислушался к мнению масонской ложи Петербурга, куда входил и сам, и 67-летнего масона назначили главнокомандующим всеми армиями” (С.112-113). Невежество автора поражает – он даже не знает, что для избрания главнокомандующего был создан “Чрезвычайный комитет” из высших сановников империи, на решение которого император никак не влиял.

Из-за того же невежества Голденков обрушивается на Кутузова с хулой за то, что тот отверг предложение Наполеона о мире. Подпиши Кутузов этот мир в октябре, и Россия вышла бы победительницей, “война бы закончилась на условиях России, и сохранились бы жизни не только тысяч французских солдат, но и тысяч русских... и не было бы кровавой и неудачной для Кутузова битвы за Малоярославец” (С.186-187). Автор не понимает, что Кутузов попросту не только не имел права на то, чтобы подписывать мир, но даже права вести переговоры о нём и что Наполеон никогда бы не пошёл на мир на российских условиях!

Вопреки очевидности автор заявил, что “нет и не может быть и речи о какой-то победе рус-

ских в этих боях под Красным” в ноябре, ибо Кутузов “вновь не одолел врага”. А то, что противник понёс при этом огромные потери, сочинителя не волнует. По подсчётам автора, русская армия за время наступления потеряла 70 тыс. чел. – “Ужасные, чудовищные потери! Просто катастрофические! Ещё одно горькое последствие чванливого отказа Кутузова от заключения мира” (С.230, 238). Обвинение не по адресу, ибо Кутузов не имел никаких полномочий этот мир заключать.

6. Далее Голденков представил себя сокрушителем ещё одного мифа. Он пишет, что “историки, как современные, так и советские, молчали о причинах и обстоятельствах той войны, *некорректно называя её Отечественной для всех жителей Российской империи. Отечественной эта война явно получилась для Беларуси и Польши*, но вовсе не в том смысле, который имели в виду все советские и российские историки: война давала шанс сбросить крепостное право, а беларусам и полякам – вернуть свою независимость”. “Один из самых дутых мифов о войне 1812 года – это то, что она была Отечественной по своей сути: мол народ России поднялся против оккупантов. Как видим, для Беларуси это была прежде всего война ЗА Наполеона, Гражданская война, шанс обрести былую независимость”. Да и в России, по словам автора, не было “громкого патриотического подъёма”, так как “многие простые россияне, так же, как и беларусы, ожидали, что Наполеон освободит их от крепостного права” (С.6, 190-191, 203, 311).

Но автор вовсе не является здесь первооткрывателем, ибо несколько лет назад мы пришли к следующим выводам: “Исходя из того, что народное сопротивление неприятелю, ужесточение “скифской тактики”..., массовый уход гражданского населения, усиление религиозной пропаганды, появление у неприятеля предчувствия “второй Испании” – всё это началось со времени вступления в Смоленскую губернию, мы полагаем возможным говорить, что *именно с этого времени противоборство приобрело для русского народа характер отечественной, национальной войны*. На уступленных до этого противнику территориях, относительно недавно инкорпорированных в состав Российской империи, рассчитывать на придание войне такого характера вовсе не приходилось. Напротив, такой характер война имела тогда для политически активной части польско-литовского населения, мечтавшей о возрождении своей Родины и официально провозгласившей восстановление своего Отечества. Теперь же неприятель вступил в *коренные русские земли*, где на подмогу армии были призваны представители всех сословий, в том числе и

крепостное крестьянство... *Только теперь противоборство принимало, с российской стороны, характер отечественной войны. До этого времени шла обычная "политическая" война двух империй за спорные территории*, недавно перешедшие к России в результате разделов Польши, и тогда именно Наполеон разыгрывал национально-патриотическую польско-литовскую "карту", хотя и очень осторожно".⁴

7. Голденков "открыл" для себя и такую "новость", что при наборе в ополчение "патриотизм простолюдинов без барского одобрения не только не поощрялся, но даже наказывался", что помещики сдавали в ополчение не самых лучших крепостных, и потому "моральный облик ополченцев порой оставлял желать лучшего", что не все крестьяне хотели идти в ополчение либо шли туда с чисто прагматическим расчётом – получить освобождение от крепостной зависимости. Но что же здесь нового – эти выводы были сделаны российскими учёными ещё до революции, в советские времена замалчивались, а затем были подтверждены учёными новой России с привлечением новых источников. Автор умудрился и здесь публично продемонстрировать своё невежество. Среди ополченцев, вернувшихся с войны, источники выделяли категорию тех, кто "обратился в первобытное состояние", и автор заявил, что это были те, кто не вернулся домой, а "разбежались по лесам "партизанить"" (С.205-207, 210). Он даже не знает, что в манифесте царя о созыве ополчения было сказано, что после окончания военных действий ратники "вернутся в первобытное своё состояние", то есть, не будут оставлены в армии, как это случилось в 1807 г., а возвратятся к своим прежним занятиям!

8. Автор попытался представить себя как "низвергателя мифов о народной войне", но всего лишь развенчал сказку о "русском Сцеволе" (С.213-214), не подозревая, что мы давно уже это сделали.⁵

9. Голденков рискнул также сказать "новое слово" о партизанах в 1812 г. Он многозначительно заявил: "*Между партизанами и партизанской войной - большая разница. Партизанская война - это удары по инфраструктуре более сильного противника... Такую войну может вести как гражданское население, так и армия. Если армия воюет по-партизански..., то это не означает, что армия - это партизаны. Партизанами принято называть вооружённые отряды гражданского населения*. Но историки, описывая 1812 год, в партизаны записывали и специальные армейские подразделения (тут главным "партизаном" стал Денис Давыдов), и беглых крепостных, и дезертиров-ополченцев". "Партизаны – простые крестьяне", но число партизан историки "значи-

тельно преувеличили, записав в партизаны даже отряды регулярной армии, выполнявшие специальные диверсионные задания".

Упомянув об известном деле при Ляхово, где отличился отряд Дениса Давыдова "вместе с другими *диверсионными группами*", автор тут же предупредил: "*Однако не стоит путать партизанскую войну и партизан как таковых. Денисов вёл партизанскую войну, но не был никаким партизаном – он являлся офицером регулярной армии, выполняющим спецзадание. Эскадрон Давыдова был армейской диверсионной группой, но пропагандисты сделали партизаном и Давыдова*". "Если и были *настоящие классические партизаны*, то в основном в Смоленской губернии", где появились "*первые крестьянские по-настоящему партизанские отряды*", которые нападали на мародёров и фуражиров, которых автор упорно обзывает "*фуражистами*"!

Обругав в очередной раз советских авторов, Голденков, даже не понимая этого, сам выступил ярким пропагандистом их измышлений. Вслед за ними он записал в число партизан Богуславского, Емельянова, Г. Курина, Е. Четвертакова и знаменитую Василису Кожину, хотя признал, что "толком описать, что же именно героического сотворил отряд Кожиной, *никто никогда не мог*", так что возможно, что это "очередной пропагандистский миф". В итоге автор заключил: "Партизанское движение в войне 1812 года никак нельзя было назвать массовым", "партизан было в десятки раз меньше", чем в войне 1654-1667 гг. между Речью Посполитой и Московией (С.181, 218-228, 231).

Попытка Голденкова открыть что-то новое в вопросе о партизанской и народной войне вылилась в очередную демонстрацию абсолютного невежества самого "первооткрывателя". Будучи незнаком с источниками, сей сочинитель *буквально перевернул всё с ног на голову, ибо в аутентичных источниках крестьянские дружины и их вожди никогда не назывались "партизанами", к каковым тогда относили только "партии" и "летучие корпуса", высылаемые из армии!* Отождествление крестьянских отрядов с партизанскими началось лишь через несколько десятилетий после войны и расцвело "махровым цветом" в марксистской литературе, исказившей всю историю войны 1812 г. Выражения "диверсионный отряд" в ту эпоху не существовало, а слово "диверсия" имело совсем иное значение. Не "пропагандисты" сделали Давыдова партизаном, а сам он себя так называл, да и в отряде его был вовсе не один эскадрон – автор явно черпал информацию об отряде из старого советского фильма.

Выражение "партизанское движение" неприемлемо к 1812 г., оно было заимствовано марксистами из 1941-1943 гг.⁶

Утверждение автора, будто “между партизанами и партизанской войной - большая разница” ничем нельзя объяснить, а заявление насчёт партизанских действий в войне 1654-1667 гг. мы полностью оставляем на совести Голденкова.

Постоянные нападки Голденкова на современную российскую историографию не имеют под собой абсолютно никаких оснований, поскольку он совершенно не знает или не хочет знать, какие исследования появились в свободной России за последние 20 лет. Отсюда его нелепые заявления, будто “историческая доктрина советских историков мало изменилась и сейчас”, будто “советские и российские историки удивительным образом обрывали историю войны 1812 года переправой Наполеона через Березину” (С.100, 279). Впрочем, возможен и другой вариант. Некоторые пассажи из книги Голденкова свидетельствуют о том, что кое-что из российской научной литературы он всё же читал, но, будучи несогласен с её выводами, безо всяких сносок переложил чужие выводы в таком опешеленном и обезображенном виде, что не всегда можно разглядеть оригинал. При таком допущении все сделанные автором “открытия” являются не чем иным, как банальным плагиатом. Но в любом случае, как говорится, “незнание закона не освобождает от наказания за его нарушение”.

Судя по названию издания – “Современная школа”, – опубликовавшего произведение Голденкова, и по подзаголовку “Издание для досуга”, эту абсолютно антинаучную работу предлагается прочитать юным гражданам самостоятельной

Беларуси. Страшно даже представить, какой “собственный взгляд на события тех дней” сложится у белорусских школьников, да и у простых обывателей после прочтения подобного опуса!

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Подробнее см.: *Попов А.И.* Великая армия в России: погоня за миражом. Самара, 2002. С.102-117.
- ² *Попов А.И.* Первое Полоцкое сражение (боевые действия на Западной Двине в июле-августе 1812). М., 2010.
- ³ *Попов А.И.* Первое дело при Красном. М., 2007.
- ⁴ *Попов А.И.* Великая армия в России. С.324-325; *он же.* О характере войны 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Труды ГИМ. Вып. 132. М., 2002. С.229-246; *он же.* Классовая борьба и патриотизм крестьянства в 1812 г. // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т.11. №6. С.43-51.
- ⁵ *Попов А.И.* Иван Сусанин 1812 г. // Отечественная война 1812 г. в Калужской губернии и российской провинции. Малоярославец, 2001. С.44-60; *он же.* Русские амазонки, Геркулес, Сцевола и Иван Сусанин 1812 года // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. выпуск “Новые гуманитарные исследования”. Самара, 2002. С.88-98.
- ⁶ Подробнее см.: *Попов А.И.* Партизаны и народная война в 1812 г. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2000. С.172-207; *он же.* Партизаны 1812 г. // Исторические исследования. Вып.3. Самара, 2000. С. 73-93; *он же.* Кто они, партизаны 1812 года? // Император. 2003. №5. С.14-16.

*Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Поволжского филиала Института
русской истории РАН
А.И. Попов, FINS*